

С. Ю. Колчигин
доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом онтологии и теории познания
Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан

ПЛЮРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИСТИНА: К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Установка на плюрализм и толерантность сегодня возводится в ранг всемирной идеологии, и сами эти понятия превратились едва ли не в знаковые идеологемы. Во всяком случае, они достаточно характеризуют существенную сторону нынешней эпохи, которая отмечена высокой степенью конфликтности и, соответственно, требует совершенствования гуманистических норм в отношениях между государствами, общественными группами, религиями и т. д.

Действительно, нельзя не признать, что плюрализм и толерантность (точнее, *толерантный плюрализм*) – относительно высокий уровень и этап в развитии принципов человеческого общежития. Этим этапом исторически сменяются те совершенно нездоровые, если не сказать – дочеловеческие взаимоотношения, которые представлены двумя формами *партикуляризма*. Первая из них – «голый» плюрализм, то есть примитивная, еще не облагороженная терпимостью конфронтация эгоцентризмов, ведущая их к открытой войне. Вторая – так называемый «тоталитаризм»: господство частной, а потому ложной идеологии (безосновательно выдаваемой за Единую Истину) над всеми другими частными и ложными идеологиями.

Демократические послабления, особенно в последнее десятилетие, дали возможность публичного проявления самых разных взглядов и мировоззрений, каждому из которых придается идеологический и правовой статус уникальной ценности, культурно самобытного явления. И, следовательно, согласно этой позиции, ни одно мировоззрение, ни одна точка зрения не может признаваться в качестве единственной истины, превозносимой над другими.

Следует еще раз подчеркнуть: толерантный плюрализм – это действительно более высокий принцип, нежели неприкрытые претензии каждой или какой-то одной спорящей стороны на статус единственно истинной, что неизбежно влечет за собой протесты других сторон и вызывает резкое противостояние людей, государств и целых континентов.

Однако сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда все явственней угроза глобальной антропогенной катастрофы, становится очевидно, что и этап толерантного плюрализма следует считать пройденным, по существу исчерпанным и завершенным. Толерантный плюрализм, да и то в лучшем случае, лишь притормаживает развитие катастрофических общепланетарных тенденций современности, но не позволяет их по-настоящему разрешить. Тому есть несколько причин, которые можно резюмировать в следующих положениях.

1. Толерантный плюрализм по самой своей сути не может быть *последней целью, идеалом, конечной истиной* человеческих взаимоотношений. Дело в том, что он не дает и не предполагает сам по себе дать некий развивающий образец отношения человека к человеку и миру. Он лишь ставит запретительные знаки на пути множества негативных проявлений, к которым люди склонны именно потому, что каждый из них лелеет какую-то свою «истину».

2. Как только принцип толерантного плюрализма стремится себя увековечить в качестве окончательного и высшего принципа человеческого общежития, он становится сдерживающим фактором развития. Иными словами, он переходит в свою противоположность, *он сам* отныне претендует быть единственной и единой Истиной. А это не может раньше или позже не вызвать серьезного противодействия со стороны любого человека и любой группы людей, поскольку они считают владельцами Истины только себя и тем самым исключают ее наличие и даже такую возможность у кого-то другого.

3. Из изложенного ясно, что плюрализм и толерантность должны и могут быть не более чем *условием* для выявления в своей свободной внешней среде того единственного мировоззрения и мироотношения, которое есть *полная и подлинная Истина* бытия Человека в Мире. И эта Истина непременно проявляет себя именно тогда, когда свобода слова, вероисповедания и прочие свободы становятся доминирующим требованием, которое начинает реализовывать себя в глобальном, общепланетарном масштабе. Ибо ситуация повсеместной востребованности предоставления или сохранения всевозможных свобод указывает на фактическое рабство людей, достигшее апогея. Поэтому, появляясь в такое время, Истина тут же начинает создавать теперь уже свои собственные условия, условия для развития и расцвета истинно человеческих, внутренне свободных, открытых, доверительных отношений, и толерантный плюрализм должен уступить дорогу ей. Именно он расчистил эту дорогу для Истины, но теперь, сделав свое нужное дело, толерантный плюрализм должен отойти в прошлое, подобно тому как завершается подготовительный этап в восхождении или как уходит трамплин из-под ног лыжника.

Таков общий абрис эволюции от партикуляризма к Единой Истине. Далее попытаемся рассмотреть этот вопрос чуть подробнее, в некоторых существенных аспектах.

Плюрализм не может и не должен быть идеалом человеческих взаимоотношений, общения и обоюдного понимания потому, что Истина – одна. Два разнородных, разнотипных понятия об одном и том же не могут быть истинными: одно из них либо оба они непременно будут ложны.

Мировоззренческий плюрализм полагает, что центр везде, что он у каждого и любого. Но по зрелом размышлении эта внешне красивая формула не выдерживает критики: она означает, по существу, что друг к другу приравниваются высокое и низкое, умное и глупое, доброе и дурное, истинное и ложное. Так плюрализм при непосредственном на него взгляде выказывает свою тотально индивидуалистическую суть, усредняющую, нивелирующую все и всех, а тем самым и разъединяющую все и всех, узаконивая их разлад и распадение.

На это, как правило, возражают: Истина многообразна. Что ж, с этим нельзя не согласиться. Однако многообразие Истины отнюдь не в разноголосице, не в различном истолковании сущности и назначения одних и тех же предметов. Истина многообразна в смысле тех красок и оттенков, которые проявляются людьми в *творческой, прежде всего художественно-практической, реализации Единой Истины*. А такая цветущая сложность, где ни одна краска не только не подавляет другую, но поддерживает и подчеркивает ее, возможна только и именно при условии согласия людей в знании и понимании главного – Единой Истины и в следовании ей.

Но пока что преобладает, к сожалению, иное: признание многообразия не *внутри* единства, а *вне* его. Плюрализм берется за основу сам по себе, без фундамента, как принципиально самодостаточное основоположение. В итоге «истина» оказывается по видимости многообразной, но в действительности при этом перестает быть Истиной, ибо «единство» плюральных мировоззрений сугубо условно.

Вот как это реально выглядит, например, в области религии. Говорят: «Все религии – одно, так как все они зовут к одному и тому же – возлюбить Бога и ближнего своего». Но посмотрим на эту «единую» позицию внимательно. Что конкретно понимается под словами «Бог», «любовь», «ближний»? В одних религиях Бог един, в других троичен, в-третьих – богов множество. Если говорить о «любви», то для одних религий она есть цель спасения, для других – только средство, для третьих и вовсе лишь зависимость, от которой надо избавиться. Наконец, что касается «ближнего», то одними он понимается как «родственник» или, например, «соотечественник», другими – как «свой», то есть близкий по духу, интересу, а третьими как в принципе любой человек.

Столь явные разночтения не всегда смущают приверженцев плюрализма. Они стараются смягчить эту разноголосицу примиряющим утверждением: «Разноголосица не страшна – лишь бы было *гуманное отношение* людей друг к другу». Но подобное заявление не более чем отговорка. Если нам неизвестно, что понимать под «гуманным», мы никогда не придем к согласию в наших взаимоотношениях, которые предполагались быть гуманными только по прекраснодушию нашему. И разве не так обстоит дело с интерпретациями понятий «гуманное», «собственно человеческое» и т. п.? Именно так. Ибо различными религиями и философиями человек трактуется абсолютно различно: как зверь (животное), как Бог, машина, растение, биоробот... Эти разногласия принципиальны. Основывать человеческое общежитие на такого рода идейном разномыслии, значит, неизбежно обрекать людей на конечный разброд и конфронтацию.

Сторонники идейного плюрализма пытаются опрокинуть или нейтрализовать это соображение ссылками – вновь и вновь – на необходимость «гуманного» отношения друг к другу. Этот привычный их аргумент развивается следующим образом. Если плюрализм и вправду недостаточен в качестве принципа и идеала общения, терпимость в межчеловеческих отношениях нужна тем более, плюрализм без нее действительно невозможен. А в виде примера и даже образца «нормальных» взаимоотношений меж людьми нередко приводят толерантно-плюралистические отношения, царящие в философских кругах Запада, где каждый имеет собственную идейную платформу, не похожую на платформу другого, но при этом не стремится вступать с ним в спор, так что каждый из них «спокойно делает свое дело».

Но хорошо ли это, нормально ли? Нет, точнее было бы сказать, что это равнодушные к Истине, равнодушные, несовместимое с призванием философа, человека, взыскующего мудрости. «Легко быть терпимым ко всякой вере тому, – писал в подобной связи Н. А. Бердяев, – кто ни во что не верит, кто равнодушен к истине» [1]. Более того, такая «толерантная индифферентность» к Истине тем самым есть одновременно и равнодушные к людям. Плюрализм и толерантность как целевые установки – это идеологически закрепленные, хотя и завуалированные, принципы *эгоизма* и чисто *внешнего*, номинального, формально поддерживаемого единства людей [2].

Толерантность, или терпимость (сегодня это часто называют *политкорректностью*), – не более чем *искусственное* равнодушие (и *искусственное, дипломатичное* равнодушие) в отношении других людей и мировоззрений. И оно не может быть долговечным именно в силу внешней вынужденности. Стоит всерьез затронуть наши эгоистические интересы – и терпимость выливается в фанатическую нетерпимость, в разного рода экстремизм, терроризм, контртерроризм.

А интересы наши затрагиваются постоянно, покуда у каждого «своя истина», вернее, покуда каждый остается при своем *мнении*.

Поэтому весь вопрос состоит в том, возможно ли сделать терпимыми друг к другу тех, кто друг к другу нетерпим. И поэтому, далее, довольно нескладно выглядят призывы к толерантности, звучащие сегодня на международных и локальных форумах представителей разных идеологий, когда, буквально стиснув зубы, кто-нибудь заявляет, например, следующее: «Я нормально отношусь к такому-то мировоззрению, хотя совершенно не разделяю его постулатов, идей и выводов». Или: «Я считаю религию хорошим, нужным явлением культуры, хотя сам я – атеист». В сущности, это максимум того, что можно ожидать от толерантности: она предполагает не более чем сохранение статус-кво. И если, отбросив обычные в таких случаях словесные украшения, вникнуть в существо итоговых документов отмеченных форумов, то общий их результат сводится фактически к тавтологии: «Чтобы добиться согласия или сохранить его, надо жить в согласии».

Проблема действительно не проста и решение ее действительно затруднено. Суть дела в следующем.

Толерантность не может и не должна быть неким идеалом в жизни сообщества людей, ибо она лишь вынужденное временное подавление природно-инстинктивных проявлений. Сам по себе такое подавление как будто бы и неплохо, однако стоит хотя бы немного не успеть сдержаться, стоит только переполниться этими загнанными внутрь эмоциями эгоистического раздражения, как они тотчас выплескиваются с большим шумом и большой неопрятностью. Терпимость как вражда скрываема очень легко переходит во вражду открытую.

Отсюда видно, что «толерантность» – понятие *нейтральное*, а значит, хотя и не всецело отрицательное, но и не всецело положительное. Толерантность означает насильственно и трудно скрываемую, нейтрализуемую внешне неприязнь. Толерантность достигается через сознательные попытки подавить *природный* чувственный мир (эгоцентрические эмоциональные реакции) с его непредсказуемыми всплесками. Но толерантность сама по себе неспособна вести к развитию *духовного* чувственного мира (мира положительных внутренних чувств и высших эмоций) [3]. А ведь он-то и составляет сущность и специфику Человека.

Следовательно, терпимость, будучи как таковая нейтральным понятием, не вправе претендовать на роль *идеала* в жизни сообщества людей. Она бесплодна, покуда не опирается на законы развития души, то есть собственно человеческого, духовного, нравственного начала – самозабвенной любви ко всем и ко всему, жаждущей вылиться в прекрасные творческие проявления. А это, в свою очередь, подразумевает: необходимо не подавлять природный чувственный мир, а облагораживать, одухотворять его, окутывать ненормальные эгоистические проявления природы (плоти и сознания) любовью к окружающему и полным принципиальным доверием ему.

В этой любви и полном доверии (священной вере) и состоит Истина бытия Человека в Мире. И даже одна лишь возможность этих истинно человеческих взаимоотношений и истинно человеческого мироотношения, одно лишь теоретическое их допущение – свидетельство того, что наряду с взаимоисключающими, враждующими или терпящими друг друга мнениями существует и Истина. И она – Единая, а следовательно, созидающая подлинное, внутреннее (а не внешнее только, условное) единство меж людьми. Это и означает, что толерантность – не более чем ступенька перед подъемом к Истине.

Только с учетом этого, только при этом понимании толерантности мы сумеем начать движение вверх, к Истине, а не продолжать соскальзывать вниз, к мнениям. Истина больше и выше мнений, больше и выше толерантного плюрализма. Потому, что Истина *объективна*. В том смысле, что применима для всех и никогда не разъединяет, а всегда соединяет, так что этот процесс единения не только возможен, но и необходим, а потому неизбежен. По простому закону: деградация – конечна, развитие – бесконечно. Для всех и на беспредельную перспективу их творческого развития в Мироздании. Именно эта тенденция требует сегодня продвижения человечества вперед и действительно подвигает к наиболее высокому уровню взаимоотношений между людьми, а шире говоря – между Человеком и Миром, к уровню, полностью соответствующему истинной сущности Человека. Толерантность – это лишь задержка в падении. Она, конечно, нужна, но недостаточна для решительного поворота к Истине бытия Человека в Мире.

Будучи переходом в новую, высокую координатную область, такое радикальное самоизменение человека предполагает приложение им особых, ранее неведомых усилий и знание особых законов, глубоко отличных от тех, что предписывает ему социум. Эти особые законы и усилия имеют не формально-договорной, но сознательно-волевой личностный характер, преследующий цели *духовного порядка*.

Именно *в контексте поиска Истины*, в русле мировоззренческого диалога по сопоставлению разных систем мысли жизненно необходимы *толерантность и веротерпимость*, только в таком поиске они приобретают реальную значимость.

Следовательно, на уровне нравственно-психологическом задача состоит *в удержании толерантного отношения ко всем* – даже к ненавидящим тебя и гонящим тебя. Но вот в плане мировоззренческом, философском задача не в том, чтобы *сдерживать* себя. Наоборот: в том, чтобы *открыто сопоставлять* (разумеется, сохраняя внутри огромное терпение) идейные основы и содержание всех мировоззрений, имеющих к сегодняшнему дню. Только такое сопоставление, кропотливое, сложное, довольно долгое, учитывающее все параметры и обстоятельства, и может дать, наконец, ясное философское понимание того, что же такое Истина и у кого она представлена в полном объеме.

Подлинный, конструктивный мировоззренческий диалог есть непременно диалог о существе Истины и о том, где ее следует искать. Как раз такой диалог, как правило, чреватый жарким спором, и требует толерантности, смирения своей гордыни, способности слушать и слышать другого. Все разговоры о толерантности и веротерпимости имеют смысл только и единственно при условии, что они сочетаются с активным, интенсивным и страстным поиском Истины или стремлением постичь Истину. Именно здесь, подчеркиваю, и требуется смирение своей гордыни, обретение великого терпения, чтобы слушать и слышать другого, а не переполняться только «своим».

Если мы зовем к толерантности, но не ищем Истину, то это уже и не толерантность, а полное безразличие к Истине, к людям, к жизни. А ведь если вы видите, что ваш брат, ваш сын смертельно заблуждается, вы не станете проявлять к нему «толерантность» – она будет просто опасной.

Если нам безразлична Истина бытия человека в мире, мы вступаем в реальный, предметный и порой очень острый диалог с теми, кто, на наш взгляд, далек от этой Истины. Вот тут-то и призвана проявиться наша веротерпимость: не в *содержании* нашей дискуссии, а в ее *форме*. Иначе говоря, нельзя быть терпимым к сущности идей, которые

вы видите неверными, однако необходимо быть терпимым, терпеливым, сдержанным, убирающим агрессию в ходе отстаивания своих взглядов.

В нашу сложную эпоху – время всепроникающей и всеразъедающей войны мировоззрений – крайне важно стремление сохранять бережные отношения друг с другом и стремиться к обоюдному пониманию. Но если уж мы все-таки беремся критиковать один другого, то хочется пожелать нам всем: давайте впредь не будем голословными, а станем, в стремлении к обретению мудрости, тщательно и подробно сопоставлять наши взгляды, подкреплять их взвешенной аргументацией, внимательно слушать доводы друг друга и объективно анализировать их. Иначе всех нас, без исключения, легко заподозрить в высокомерном, даже презрительном отношении к оппонентам (что говорило бы об отсутствии внутренней культуры). А стало быть, в равнодушии к Истине и отстаивании лишь собственного интереса.

Литература

1. Бердяев Н. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. – Париж, 1927. – С. 220–221.
2. Ср. с еще одной мыслью Н. А. Бердяева – о том, что взаимно юридически обязывать друг друга должны лишь люди, далекие по духу, внутренне разобщенные (Там же. – С. 182). Ср. также с известным выводом Г. С. Батищева: «... Плюралистская терпимость есть всего лишь *вынужденное* невмешательство в *чужие* и *чуждые* дела других... всего лишь договорное непосягательство и формально-дипломатичная сдержанность, за которой всегда хранится внутреннее неприятие» (Батищев Г. С. Диалектика творчества. – М., 1984. – С. 353).
3. Ср. с горько-ироничным высказыванием из «Принципа оборотня» Клиффорда Саймака: «...Эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаюсь истребить в себе радость».